

МИХАЛИНА ИГРАЕТ В ФУТБОЛ

Меня не взяли играть в футбол. Сказали, что это игра для мальчиков, а девочкам надо прыгать через скакалку. Почему это мальчикам самое лучшее?

— А я хочу в футбол! — сказала я и бросила скакалку на асфальт.

Урок физкультуры для всех — и для мальчиков, и для девочек. Девчонки стояли вокруг меня как группа поддержки. Они были не за футбол, а за справедливость.

Тренер пожал плечами. Наш физрук заболел, и вместо него к нам привели молодого тренера. Мы сразу поняли, что он нас немного боится, и решили его не сильно пугать.

— Ты не сможешь играть! Ты же девчонка! — закричал Гоша Чебан и потом добавил: — Заплачешь ещё!

Гоша у нас бешеный. Говорили, что у него было сотрясение мозга. А может, даже два. Но я не боюсь Гошку.

— Да? Между прочим, я сама построила дом на дереве и вырыла подземный ход в своём дворе! — сказала я.

На это Гошке нечего было ответить. Другие мальчики ждали, что решит тренер. Тренер снова пожал плечами.

Меня пустили на поле. Раздался свисток, и я побежала вместе со всеми. Не знаю, куда направлялись остальные, но я бежала за мячом, чтобы хорошенько его пнуть. Мне очень понравилось бегать по полю. Мальчишкам пришлось воспринимать меня как серьёзного соперника, потому что никто не мог отнять у меня мяч.

Я поняла, что здорово играю в футбол. Да я просто рождена для футбола! Футбол — это моё призвание! Остальные не очень-то хорошо играли. Вот Карим, например. Он то и дело притормаживал и вставал в красивую позу. При этом он косился в сторону, чтобы узнать, видит ли его Христина. Каримка влюблён в Христину и поэтому ведёт себя как чокнутый. Конечно, Каримку сбивали с ног, и он оказывался не в самой красивой позе на земле.

Так вот, бегу я и чувствую, как мне по ноге больно ударили. У меня даже звёздочки из глаз посыпались, как в комиксах рисуют. Я хотела было заплакать, но вместо этого только разозлилась.

— Вы мне ногу сломали! — громко сообщила я и побежала дальше.

Тренер что-то крикнул, но у меня ветер свистел в ушах, и я не слышала.

Костя Суриков увидел, что я на него бегу, и побледнел. Костя всегда бледный, он у нас человек-обморок, поэтому я пробежала мимо. Спортсмены должны быть благородными! Ещё в команде противников оказался Митя Маликов. Он у нас слабый, нервный и заикается. Я боялась его уронить и обходила

стороной, вместе с мячом. А ещё в той же команде был Вася Свистун, но он толстый, неповоротливый и всё время улыбается. Так что мой самый главный противник — Гоша Чебан.

— Пасуй! Пас! — орал возле меня Эдик Газиев и Саша Синицын.

Эдик и Саша вроде бы из моей команды, но они меня раздражали своими лишними выкриками. На всякий случай я всех предупредила, что пусть попробуют сломать мне последнюю ногу! Тогда все увидят, что будет!

Тут я заметила, что все стали бегать как-то замедленно. Прямо не футбол, а «Лебединое озеро». Вот тогда я и забила гол. Свой первый го-о-ол! Только не поняла, в чьи ворота я попала, потому что дико орал обе команды.

Гоша Чебан захотел увести у меня мяч, но у него ничего не вышло. Он что-то выкрикнул насчёт девочек

и футбола. Мне некогда было разбираться, поэтому я бросила мяч ему в голову. Надеюсь, что я не сделала ему ещё одно сотрясение мозга. Гоша сильно покраснел, закрыл лицо руками и убежал с поля. После этого мне стало гораздо легче бегать по полю и вести мяч. Митю Маликова я всё-таки уронила, он долго не вставал и трясся, как будто плачет. Потом я ещё кому-то куда-то попала, и тренер свистел не переставая. Наверное, у него свисток заело.

Возле меня почти никто больше не бегал. И вообще, как-то маловато игроков стало на поле. Помоему, осталась только моя команда.

Девчонки стояли на краю поля и болели за меня.

— Ми-ха! Ми-ха! Да-а-вай! — кричали девочки.

Каримка тоже среди них оказался. Он прикинулся, что получил травму, и держался за ногу. Это чтобы Христина его пожалела и оказала ему первую медицинскую помощь. Но Христина читала книжку, как всегда, и не знала, что должна оказать помощь.

Я сделала ещё пару ударов по мячу, когда заметила, что на поле находится судья, то есть тренер. Он что-то мне показывал и свистел. Я остановилась.

— Потрясающий удар! — заметил тренер и похромал с поля.

Я очень обрадовалась, что он вышел на поле, чтобы мне это сообщить.

В конце концов мне тоже попало мячом в голову. Я обиделась и ушла с поля. Мне надоел этот их футбол, в который никто не умеет играть как следует. Пусть сначала научатся, а потом уже девочек зовут в игру!

Тренер собрал ребят и что-то им долго внушал. Я держалась рукой за голову, но наблюдала за ними

на всякий случай. Мальчишки по очереди стали подходить ко мне и извиняться. Мне это понравилось, поэтому я не сразу их простила. Тогда они стали по второму кругу подходить, снова извиняться и спрашивать, всё ли у меня в порядке с головой. Пришлось их простить, тем более что голова у меня так и не начала болеть.

— Она-она-она... — вдруг стал заикаться Митя Маликов и показывать на меня пальцем.

— Она держится не за то место, куда мяч попал! — раскричался Гоша Чебан, вот он всегда кричит как бешеный.

— Помолчи, — посоветовал ему тренер. — Вы сами виноваты. Всем вам надо ещё научиться играть в команде.

— Да? А с кем учиться? Один обморочный, другой на какую-то дурочку таращится, как идиот...

— Кто идиот? Кто таращится на дурочку? — Каримка наступал на Гошку, потому что хотел заступиться за Христину, но как-то неуверенно: шаг вперёд и два назад. Всё-таки Гоша — главный хулиган в нашем классе.

Зато Христина очень даже уверенно подошла к Гошке и заехала ему своей книгой «Волшебник Изумрудного города» по уху. Это потому, что она всегда заступалась за бледного Костю Сурикова. Костя схватился за сердце.

Гоша только сжал кулаки, потому что рядом стоял тренер, которого мы решили не сильно пугать. У Гошки Чебана остался красный отпечаток на лбу от мяча и красное пятно на ухе от книжки. У Мити Маликова были малиновые глаза, как будто он их

тёр. Хотя обычно у него глаза какого-то другого цвета. Вася Свистун растирал коленку и улыбался.

Тренер сказал, что у меня крутой удар. И мальчики подтвердили. Все вместе мы решили, что нужно организовать общую команду, девчачье-мальчишечью. Тренер спросил у девочек, кто будет ходить на тренировки. Девочки посмотрели в облака, взяли скакалки и ушли прыгать.

— Это она придумала! — показала на меня Лиза Полосухина и тоже ушла прыгать, волоча за собой скакалку.

Лиза всегда докладывает учителям, кто что интересного придумал, потому что сама ничего придумать не может.

Только Поля, Лида, Люся и Гульчек обрадовались и подняли руки вместе со мной. Они самые смелые, ведь они — мои лучшие подруги.

Тренер сказал, что это прекрасно, но заниматься с нами будет наш физрук, когда выздоровеет, потому что он сам пока не готов тренировать такую чудесную команду.

— Мне нужно к этому хорошенько подготовиться, — добавил он.

Тогда мы поняли, что всё-таки не до конца напугали тренера. Значит, в будущем он нам ещё пригодится!

Но я решила не играть больше в футбол. Слишком уж сокрушительный у меня удар. И ещё я не хочу, чтобы мальчики убегали с поля с красными глазами.

НАША УЧИТЕЛЬНИЦА БАРАШЕК

Нашу учительницу зовут Валентина Сергеевна. Мы хотели называть её Барашек. У неё такие милые кудряшки и фамилия — Баранова.

— Можно я буду называть вас Барашек? — спросила Люся Куманько и прижалась к учительнице.

Люся любит обниматься с учителями и спрашивать у них глупости.

Валентина Сергеевна растерялась, а потом сказала, что в школе так не принято.

Учительница очень добрая, хоть и не разрешила называть её Барашком. Она с самого начала сказала, что будет нам второй мамой, только в школе. Так оно и получилось: мы все чувствуем, что она нам как родная, особенно когда ругается. Наша учительница здорово кричит! Даже громче наших мам! Мы всем классом не можем её заглушить!

Когда Валентина Сергеевна кричит, она ломает указки, потому что стучит ими о стол. Сначала указки ей выдавал завхоз, но потом у него указки, наверное, закончились. В общем, он отказался выдавать новые. Валентина Сергеевна осталась без инструмента, как дирижёр без палочки.

Однажды она хлопнула ладонью по столу, когда нас ругала. Ладонь у неё очень сильно покраснела. И сама она сильно покраснела.

— Да когда же вы начнёте учиться? Да когда же вы начнёте слушаться? Сил на вас не хватает!

А мы так привыкли замолкать, когда начинают трещать указки, что на обычные слова мы уже не реагировали и даже не поняли, о чём это она. Было очень шумно.

— Что, нас уже ругают? — спросил Вася Свистун и улыбнулся. — А за что, кто-нибудь слышит?

— Кажется, у неё все силы за-закончились, — вздохнул Митя Маликов, который немножко заикается. — Это очень г-г-грустно.

Митя Маликов опустил голову и чуть не заплакал — до того ему было жалко нашу учительницу. Мите всегда кого-то жалко. Вот поймает он паука-косиножку или жука-солдатику, замучает их, а самому жалко. Он чуть не плачет от жалости, а всё равно ловит и мучает. Потому что меньше Мити Маликова только жуки.

Мы все замолчали разом, и Валентина Сергеевна вдруг тоже замолчала.

— Валентина Сергеевна, вам надо пить витамины! — подсказала отличница Диля Галиева.

— Спасибо за заботу! — ответила Валентина Сергеевна и потёрла руку.

Наша учительница решила сама покупать указки, чтобы мы снова могли её слышать. Но и пластмассовые палочки, и деревянные ломались очень быстро. Тогда Валентина Сергеевна решила, что указки должны покупать наши родители, потому что это из-за

нас же она их ломает. Родители согласились, что это справедливо. Каждый месяц кто-нибудь из родителей приносил в класс новенькие указки.

— Гоша! Чебан! У тебя опять двойка! Ну сколько можно?! За прошлую работу двойка и за эту. А ведь мы делали работу над ошибками! Сколько же можно, ответь!

Гоша не знал, сколько можно, и молчал.

— Как об стенку горох! — воскликнула в отчаянии Валентина Сергеевна Барашек.

Указка стукнулась об учительский стол и треснула.

Валентина Сергеевна привычно замотала деревяшку пластырем.

— Гошка, между прочим, из-за тебя указки ломаются гораздо чаще, чем из-за нас, — заметил вдруг Эдик Газиев.

— Точно! — подтвердила Лида Куликова.

— Не понял! А почему тогда мои родители покупают указки? Не из-за меня же они ломаются! — воскликнул Рустик Султанов.

— Так и не из-за меня, у меня одни пятёрки вообще-то, — похвасталась Диля.

— Ну и что, а мои родители приносили цветы для класса.

— А мои приносили лампочки! — припомнил Митя.

Тут выяснилось, что родители приносили много чего: моющие средства, питьевую воду и стаканчики, краску для стен, бумагу для рисования, салфетки, губки и тряпки, наглядные материалы и даже чучело вороны (но это был подарок для класса рисования).

— Между прочим, ты больше всех воды выпиваешь, а воду привозит мой папа, — сказал Эдик Вадику Бобкину.

— Подумаешь, а мой папа приколачивал полку для цветов. Я же не считаю, сколько ты вынюхиваешь аромата из фиалок.

— Но фиалки-то принесла моя мама! — возмутилась Лида Куликова.

— А зато моя мама...

— Хватит вам! Всё, что приносят ваши родители, — это для всего класса. И указки тоже! — сказала Валентина Сергеевна Барашек.

Всё-таки хорошо, что Валентина Сергеевна стучит указкой по столу. В соседнем классе учительница стучит указками прямо по ученикам. То ли она им что-то объясняет, то ли просто близко подходит и не рассчитывает расстояние. А может, тычет в них указкой, когда вызывает к доске.

Так что лучше уж пускай Валентина Сергеевна барабанит палочками не по нам, а по столу. Мы заметили, что стук её успокаивает. Как только она настучится хорошенько, так у неё сразу настроение поднимается.

Однажды Валентина Сергеевна вошла в класс какая-то растерянная. Не ругалась и не кричала. В общем, урок прошёл ужасно скучно, даже двоечников к доске не вызывали. Валентина Сергеевна оглядывалась и всё как будто бы искала кого-то, но никак не находила.

— Бобкин, повернись и смотри на доску, а не в окно!

— А я и не смотрю в окно, я на шторку смотрю.

— Закиров, повернись и смотри на доску, а не на Христину!

Но Карим к Христине был как будто примагничен, он же свихнулся, когда влюбился.

— Гоша! Чебан! Да что же это такое? — растерялась Валентина Сергеевна и стала озираться по сторонам, даже под столы заглянула. Валентина Сергеевна покраснела, но почему-то никак не могла раскричаться.

Гоша в это время играл «в крышечки». У него в столе было много железных крышечек, по которым нужно было хлопать ладонью, чтобы они переворачивались. Гоша вздрогнул, и все крышечки с грохотом посыпались на пол. Но Валентина Сергеевна даже не заставила его подбирать их, а продолжала что-то искать.

Мы тоже стали озираться. Костя Суриков побледнел и поджал ноги, как будто в классе ползало

какое-то чудовище. Так как он у нас человек-обморок, то запросто может и свалиться на пол от страха. Христина привстала. Она всегда была наготове, чтобы помочь Косте, когда он упадёт.

— Что там? — спросила Люська.

— Да змея! — ответил Бобкин. Он считает себя шутником.

— Змея! — завизжала Люська и вскочила на стул.

— А-а! Это гадюка! Она ядовитая! — завизжали другие девчонки и тоже встали с ногами на стулья.

Но я-то знала, что никакой змеи нет, поэтому просто присела на стол.

Кто-то зашипел по-змеиному, очень похоже. Одно из двух: или это была настоящая змея, или это был Бобкин.

— Если это настоящая змея, то почему учительница её ищет? — спросила меня тихонько Поля Кузьменко.

— Наверное, им на собрании директор велел найти змею незаметно, чтобы нас не пугать! — ответила я шёпотом.

Позади нас захныкала от страха Лиза Полосухина. А нечего было подслушивать!

Вообще-то наши мальчишки притаскивали в класс то ужей, то лягушек, и мы привыкли. Но настоящей змеи у нас ещё не было.

— Перестаньте! — очень-очень громко сказала Валентина Сергеевна.

— Да я клянусь, что там была змея! Я готов съесть герань, чтобы вы поверили! — доказывал Вадик Бобкин, дёргая себя за волосы.

— А-а-а! — вдруг что-то понял Синицын и покраснел. Он всегда краснеет, причём вместе с веснушками.

Синицын достал с подоконника указку и подал её учительнице.

Учительница на радостях как хлопнет указкой по столу!

— Начинаем работу над ошибками! — объявила она.

Ух! Нам всем полегчало! Все уселись нормально, никто не вспрыгивал на стулья. И Костя в обморок не упал.

Работа над ошибками — это всё-таки лучше, чем невидимая змея, ползающая по классу.

